

Фотій и Василій Македонянинъ.

(Первое низложеніе Фотія, патриарха константинопольскаго).

Уже восемь лѣтъ стоялъ Фотій во главѣ византійской церкви и за это время успѣлъ, какъ личными дарованіями, такъ и своимъ управленіемъ, въ высокой степени упрочить свое положеніе. Прошло то время, когда поддержка выдвинувшей его партіи имѣла для него существенное значеніе: личность патриарха затмила партію и, въ своемъ вліяніи к общей дѣятельности, давно перешагнула партійныя грани. Блестящія личныя качества, умъ, красворѣчіе, привлекательность обращенія и тактъ подкупали въ пользу Фотія всѣхъ, кто встрѣчался съ нимъ безъ партійнаго предубѣжденія и закорузлаго непониманія. Для тѣхъ, кто былъ способенъ цѣнить его ученость, возможность стоять въ сношеніяхъ съ нимъ представлялась счастьемъ, котораго стоило добиваться во что-бы то ни стало. Его неутомимая дѣятельность и напряженная энергія убѣждали всѣхъ, что власть и высота патриаршаго сана не была для него цѣлью: удовлетворить личному самолюбію, а прежде всего средствомъ для достиженія болѣе важныхъ и высокихъ задачъ церкви и націи. При указанныхъ условіяхъ, вліяніе Фотія въ обществѣ должно было распространиться очень широко. Не говоря о личныхъ друзьяхъ патриарха, среди которыхъ были такіе люди міроваго значенія, какъ Константинъ Философъ, и такіе талантливые византійцы, какъ Григорій Асбеста, около Фотія группировался широкій кругъ его учениковъ и восторженныхъ поклонниковъ, изъ которыхъ многіе, принад-

лежа къ лучшимъ византійскимъ фамиліямъ, должны были постепенно занимать въ обществѣ высокія положенія, открывавшія имъ широкую возможность проводить въ жизнь идеи своего любимаго учителя и содѣйствовать осуществленію его плановъ. Подчиненное патріарху духовенство ¹⁾, а тѣмъ болѣе дружески расположенная къ нему часть монашества могли выступать не только слѣпымъ орудіемъ въ его рукахъ, но и сознательными сторонниками и сотрудниками въ дѣлѣ управления церковью и руководства обществомъ. Своей обширной перепиской Фотій поддерживалъ какъ дружескія отношенія, такъ и свой пастырскій авторитетъ среди представителей самыхъ разнообразныхъ слоевъ византійскаго общества. Заботы о просвѣщеніи и весьма вѣроятное участіе въ дѣлѣ организаціи высшей Магнаврской школы привлекали къ нему признательность просвѣщенныхъ классовъ; устная и литературная борьба съ ересями снискивала славу борца за православіе; его проповѣдь, такъ часто раздававшаяся съ амвона св. Софіи, приобрѣтала ему славу оратора, завязывала непосредственныя духовныя связи пастыря съ паствою. Наконецъ, Фотій сосредоточилъ въ своихъ рукахъ церковную благотворительность, одно изъ очень важныхъ орудій вліянія на широкія народныя массы, исходатайствовавъ правительственное постановленіе, чтобы всѣ завѣщаемыя на благотворительныя цѣли имущества поступали въ распоряженіе патріарха, который и завѣдуетъ ихъ распределеніемъ ²⁾.

¹⁾ Очень многіе получали рукоположеніе отъ него. *Mansi* XVI, 203 D; 205 B-C.

²⁾ Анастасій Библиотечарь, сообщающій объ этомъ (*Mansi* XVI 5 D), передаетъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ. Фотій, этотъ почитатель развращенныхъ догматовъ, устраняетъ новый обманъ и убѣждаетъ императора издать повелѣніе, чтобы никто не дѣлалъ завѣщанія и не раздавалъ милостыни чрезъ кого-либо, кромѣ него, Фотія. Придумалъ это изобрѣтатель зла съ тою цѣлью, чтобы менѣе догадливые люди, видя его раздающимъ имущество богатымъ, думали, что онъ раздаетъ собственное, и чрезъ это всѣ любили его какъ щедрого благодѣтеля; а вмѣстѣ съ тѣмъ и вступали съ нимъ въ вынужденное общеніе, въ виду невозможности, помимо него, получить средства жизни даже при самой крайней нуждѣ.—Вѣрныи въ основѣ фактъ переданъ Анастасіемъ, который вообще не можетъ считаться добросовѣстнымъ свидѣтелемъ (*M. L'abbé L. Duchesne. Le Liber Pontificalis. Tome II, Paris 1892. p. VI, VII;*

Но значеніе дѣятельности Фотія выходило далеко за предѣлы к-польскаго патріархата и византійской имперіи. Греческая миссія при Фотіѣ дѣлаетъ небывалые успѣхи, распространяя христіанство среди цѣлаго ряда варварскихъ народовъ и не безъ успѣха содѣйствуя возвращенію къ православію отклонившихся отъ него церковныхъ общинъ. Достаточно припомнить дѣятельныя сношенія патріарха съ Арменіей, миссію свв. Солунскихъ братьевъ къ казарамъ и еще болѣе плодотворные труды ихъ въ Моравіи и Панноніи, крещеніе руссовъ и, наконецъ, обращеніе болгаръ, чтобы понять, какой обширный кругъ племенъ и народовъ испыталъ на себѣ въ той или другой мѣрѣ вліяніе блестящаго византійскаго патріарха. Но почти всѣ вызванныя миссіей событія, помимо ихъ общаго значенія въ исторіи церкви и первостепенной важности въ національной исторіи обращаемыхъ народовъ, получали выдающееся значеніе и для самой Византіи. Греческая церковь, благодаря трудамъ миссіи, приобрѣтала себѣ новыхъ чадъ и расширяла сферу своего духовнаго вліянія и канонической юрисдикціи. Византійское государство извлекало свою собственную пользу. Если церковная зависимость новообращенныхъ не влекла сама по себѣ зависимости политической, то она не могла не содѣйствовать дружественности взаимныхъ политическихъ отношеній, что было цѣнно для Византіи. Въ свою очередь церковное и политическое общеніе открывало доступъ въ среду инопле-

138—139), въ превратномъ толкованіи. Ничего дурнаго не было въ томъ, что общественная благотворительность была упорядочена поставленіемъ въ ея главѣ патріарха, какъ и самая мысль о подчиненіи благотворительности контролю церкви естественна и цѣлесообразна. Можно быть увѣреннымъ, что указъ говорилъ не о какихъ-либо личныхъ правахъ Фотія, какъ это можно-бы думать на основаніи изложенія Анастасія, а давалъ право надзора патріарху вообще. Но какъ-бы не было важно это право и какъ-бы не могло оно служить къ возвышенію вліянія патріарха, въ данное время—Фотія, все-таки нельзя согласиться съ Анастасіемъ, что это право съ принудительностью влекло къ общенію съ Фотіемъ всѣхъ немущихъ: оставалась внѣ контроля патріарха частная благотворительность, никогда не могущая быть регламентированной, и кто хотѣлъ избѣгать патріарха, тотъ могъ просуществовать поддержкой частныхъ лицъ, тѣмъ болѣе, что враждебные Фотію жертвователи, послѣ изданія закона, должны были-бы воздерживаться отъ завѣщаній, предпочитая личную раздачу имущества. Вообще въ мѣропріятіи Фотія чувствуется больше административнаго дарованія, чѣмъ своекорыстнаго расчета.

менниковъ византійскому просвѣщенію и культурѣ, какъ матеріальной, такъ и духовной, содѣйствуя славѣ и вліянію Византіи среди чужихъ народовъ.

Всякій мыслящій византіецъ долженъ былъ радоваться успѣхамъ церкви и государства и могъ гордиться растущей славою и вліяніемъ своего отечества. Но съ дѣломъ миссіи тѣснѣйшимъ образомъ было связано имя энергичнаго и талантливаго патріарха. Трудно думать, чтобы это имя не привлекало къ себѣ благодарныхъ симпатій всѣхъ тѣхъ, кто не былъ захваченъ партійными счетами или былъ способенъ встать выше ихъ.

Во всякомъ случаѣ, Фотій приложилъ всѣ старанія, чтобы оправдать довѣріе церковныхъ группъ и лицъ, выдвинувшихъ его на столичную кафедру, и едва-ли избиратели имѣли поводъ пожалѣть о своемъ выборѣ.

Только два темныхъ пятна омрачали блестящее управленіе Фотія: это—внутренняя борьба съ игнатіанами и виѣшняя съ Римомъ. Тѣмъ не менѣе, при всей своей прискорбности, эта борьба не могла ни уничтожить цѣнныхъ плодовъ дѣятельности патріарха, ни поколебать его положенія. Оппозиція правящему патріарху въ византійской церкви почти за цѣлое послѣднее столѣтіе была самымъ зауряднымъ явленіемъ; ея существованіемъ можно было огорчаться, съ нею бороться, но видѣть въ ней больше, чѣмъ давно извѣстную оппозицію, основаній не представлялось. Конечно, репрессіи противъ игнатіанъ не дѣлали чести той партіи, за противленіе которой игнатіане преслѣдовались; но отвѣтственность за суровыя мѣры все-же ложилась на свѣтское правительство, а не на патріарха. Если Анастасій и Никита рассказываютъ, что и послѣ смерти Варды игнатіанъ жестоко гнали, и что виновникомъ гоненія былъ никто другой какъ Фотій, то въ этихъ рассказахъ нужно видѣть обычную манеру названныхъ авторовъ излагать событія въ освѣщеніи, исключительно враждебномъ Фотію. Самое большее, что можно допустить, это то, что смерть Варды окрылила надежды игнатіанъ на возможность измѣненія церковной политики правящихъ сферъ и вызвала ихъ на какое-либо выступленіе. Правительство Михаила успѣшило доказать, что такія надежды преждевременны, и выступленіямъ былъ положенъ конецъ ¹⁾.

¹⁾ Анастасій рассказываетъ, что и послѣ заслуженнаго убійства Варды

Неизвѣстно, какъ въ душѣ относился къ Игнатію Василіи Македонянинъ. Возможно, что довольно равнодушно, такъ какъ не видно, чтобы онъ сдѣлалъ что-либо для облегченія его участи. Однако борьба игнатіанъ могла натолкнуть его на мысль, что, въ случаѣ государственнаго переворота, планы котораго уже мелькали въ его головѣ, будетъ цѣлесообразно опереться на преслѣдуемую партію, которая, конечно, съ радостью встрѣтитъ переворотъ, какими-бы путями онъ не совершился, лишь-бы возвратилъ ей утраченное положеніе.

Игнатіане могли критиковать дѣятельность Фотія, отказывать ему въ признаніи его авторитета, называть его какими угодно именами,—все это не могло создавать какихъ-либо серьезныхъ затрудненій для широко развернувшейся дѣятельности патріарха, и протестующіе возгласы терялись среди голосовъ, воздававшихъ патріарху похвалу, къ которой не было нужды примѣшивать лести, и благодарность, которая имѣла право быть искренней.

Михаиломъ Фотіемъ не уменьшилъ своего звѣрства (*saevitiae*); однихъ онъ лишалъ почестей и должностей, у другихъ конфисковалъ имущество, третьихъ наказывалъ ссылкой и тюрьмой, четвертыхъ предавалъ пыткамъ, говоря кратко, не щадилъ ни званія, ни пола, ни возраста за уклоненіе отъ общенія съ нимъ. Нѣкоторыхъ ему удалось увлечь, исключая тѣхъ, кто велъ содерпательную жизнь въ скрытыхъ мѣстахъ. Однако онъ разогналъ отшельниковъ на (византійской) горѣ Олимпѣ, предавъ огню ихъ хижины или пещеры; а одного человѣка, за отказъ вступить въ общеніе, живого закопалъ въ землю до половины тѣла (*Mansi XVI, 5 A*). —Гергенрёттеръ (I, 530) склоненъ думать, что рассказъ Анастасія о зарытомъ человѣкѣ основанъ на недораазумѣніи или невѣрномъ слухѣ; думается, что недовѣріе къ Анастасію нужно провести гораздо далѣе. Характеристика, данная Фотію, такъ мрачна, приписанныя ему дѣянія такъ ужасны, что приходится или признать патріарха чернымъ злодѣемъ, или ввести въ показанія Анастасія серьезныя поправки. Что Фотій не былъ злодѣемъ, въ этомъ не позволаетъ сомнѣваться его общее поведеніе и настроенность. Въ такомъ случаѣ, нужно поправлять Анастасія. Такъ какъ Фотій опредѣленно высказывался противъ репрессій, то виновникомъ ихъ могло быть только свѣтское правительство. Что оппозиція Фотію возникла и среди олимпійскихъ отшельниковъ, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Уже изъ письма Фотія къ Саввѣ, игумену обители Писсадской на Олимпѣ, видно, что отношенія Саввы къ патріарху были не надежны (см. выше стр. 94). Изъ житія Евемія Новаго извѣстно, что другой писсадскій настоятель Николай со многими старцами, избѣгая общенія съ Фотіемъ, ушелъ изъ монастыря. Однако у Фотія оставались тамъ и сторонники. Послѣ ухода Николая монастырь не совсѣмъ опу-

Болѣе опаснымъ для положенія Фотія могло казаться столкновение съ Римомъ. Авторитетъ перваго изъ патріарховъ, цѣнившійся высоко на западѣ, не былъ потерянъ и на востокѣ, и борьба съ нимъ обѣщала, повидимому, мало надежды на побѣду. Но только *повидимому*.

Фотію пришлось считаться съ Римомъ дважды. Въ первый разъ—по своему личному дѣлу, когда папа объявилъ его избраніе незаконнымъ и формально осудилъ на римскомъ соборѣ 863 г.; во второй—по поводу выступления латинской миссіи въ Болгаріи, позволившей себѣ унизить обрядъ восточной церкви. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ Фотіи вынуждался, собственно, къ защитѣ—себя и церкви; но защищаясь, онъ въ то-же время, въ скрытомъ или явномъ видѣ, наносилъ удары Риму. По личному дѣлу, онъ не призналъ приговора Рима; другими словами, молчаливо отвергъ гордые притязанія папства на верховенство во вселенской церкви, такъ торжественно возвѣщаемыя и такъ горячо защищаемыя папой Николаемъ. Отрицаніе верховныхъ привилегій кафедры Петра позднѣе было доведено до своего

стѣль и, вмѣстѣ съ другими иноками, тамъ остался уважаемый старецъ Феодоръ, который и постригъ Евфимія въ монахи (*Vita Euthymii Iunioris*, ed. *Petit*, p. 180; 186. *Revue de l'Orient chrétien*, 1903, VIII. *Арх. Порфирій (Успенскій)*. Востокъ христіанскій. Авопъ.ч. III, отд. I, 23—25. Кіевъ 1877. *И. Малышевскій*. Свв. Кириллъ и Меводій. Кіевъ 1886, стр. 465). Слѣдуетъ отмѣтить, что біографъ Евфимія (еп. Василій) относится къ Фотію съ большимъ уваженіемъ, называя его ревнителемъ и исповѣдникомъ православія, человекомъ высокой учености и покровителемъ просвѣщенія.—Изъ сказаннаго видно, что представлять разрывъ Фотія съ олимпійскими монахами какъ полный и окончательный нѣтъ достаточныхъ основаній. Если правительственные агенты простерли свое усердіе до насилій надъ отшельниками, а свою изобрѣтательность до того, что сумѣли сжечь *пещеры*, то объ этомъ можно сожалѣть; но возводить вину за это непосредственно на Фотія ничто не даетъ права.—Едва-ли правъ Анастасій и въ томъ, что онъ относитъ преслѣдованіе монаховъ ко времени послѣ смерти Варды. Нужно замѣтить, что если-бы это было такъ, то подозрѣнія о причастности Фотія къ гоненіямъ нѣсколько усиливались-бы. Но трудно думать, чтобы Михаилъ послѣ убійства Варды, среди новыхъ крупныхъ событій (волненія въ Азіи, болгарскія событія, подготовленія къ собору. отношенія къ Василію), могъ удѣлять игнатіанамъ столько-же вниманія какъ раньше Варда. Вполнѣ правдоподобно, что постѣдовательность событій въ этомъ мѣстѣ у Анастасія показана не точно, и событія происходили еще при жизни Варды,—къ какому времени и относить ихъ, не сообщая, впрочемъ, своихъ соображеній, Гергенрѣтеръ (I, 530).

предѣла, до суда надъ самимъ папой, чѣмъ показано, что, въ глазахъ восточной церкви, папа среди патріарховъ—только первый среди равныхъ и можетъ подлежать ихъ соборному суду. Не менѣе чувствительнымъ для Рима былъ ударъ, нанесенный выступленіемъ Фотія прѣтивъ латинской миссіи. Фотій рѣшительно осудилъ распространявшіяся миссіей обрядово-догматическія новшества. Правда, его энциклика, какъ и приговоръ к-польскаго собора 867 г., не были непосредственно направлены прѣтивъ Рима или папы, а только прѣтивъ миссіонеровъ. Но когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, папа Николай принялъ эти новшества подъ свою защиту, объявивъ ихъ достояніемъ всей западной церкви, значеніе приговора стало шире и глубже. Онъ показалъ, что, по суду церкви восточной, римская церковь и ея первосвященники не обладаютъ той непогрѣшимостью въ вопросахъ вѣры и церковнаго быта, на какую притязаютъ. Какъ видимъ, удары Фотія пали на два самыхъ важныхъ, основныхъ пункта папской системы, на идеи папской супрематіи и непогрѣшимости. Понятно, что Римъ, насколько его руководители сознавали интересы укореняемой ими системы, долженъ былъ защищаться всѣми доступными ему средствами.

Въ столь рѣшительной борьбѣ могло-ли дѣло Фотія рассчитывать на побѣду? Это зависѣло отъ тѣхъ силъ, на которыя оно опиралось. Тамъ, гдѣ дѣло касалось его личности, его избранія на кафедру и пребыванія на ней, Фотію находилъ опору въ сознаніи правомѣрности своего избранія, въ сочувствіи широкихъ круговъ іерархіи и паствы и, наконецъ, въ поддержкѣ свѣтскаго правительства, которое рѣшило остаться хозяиномъ собственныхъ дѣлъ и не допустило вмѣшательства посторонней силы во внутреннія отношенія византійской церкви и государства. Этого было достаточно, чтобы обезпечить Фотію личное положеніе, по крайней мѣрѣ, до перемѣны настроенія въ правящихъ сферахъ. Гораздо важнѣе было имѣть поддержку въ борьбѣ съ папствомъ. И нужная опора не только нашлась, но и оказалась несравненно болѣе мощной, чѣмъ силы, поддерживавшія личность патріарха. Эту опору дали, говоря кратко, восточная церковность и греческій націонализмъ. Если-бы Фотію выступилъ прѣтивъ папы и папства единолично и руководясь мелкими мотивами личнаго честолюбія, какіе ему обычно приписыв-

вають, то, безъ сомнѣнія. его ожидало-бы поражение. Однако отпоръ, данный имъ притязаніямъ Рима, оказался несокрушимымъ. Произошло это, конечно, потому, что греческій Востокъ всего менѣе могъ измѣнить вселенскому православію въ вопросахъ вѣроученія и не хотѣлъ отказываться отъ своихъ освященныхъ вѣковыми преданіемъ формъ церковности. Умѣя въ то-же время цѣнить церковную независимость, Востокъ не видѣлъ причинъ жертвовать ею въ чью-бы то ни было пользу, а повышенное національное самосознаніе, для котораго казалось высшимъ униженіемъ отдать просвѣщенную и родную Византію въ подчиненіе полуварварскому и иноплеменному Западу, исключало всякую возможность отказа отъ самобытности.

Византіецъ до мозга костей, плоть отъ плоти своей націи и ея культуры, Фотій прекрасно понималъ чувства и стремленія своего народа, потому что самъ жилъ ими. Не удивительно, если онъ, въ своемъ отношеніи къ Западу, намѣтилъ путь, единственно возможный для греческаго Востока. Пусть временно византійское правительство отказалось отъ своего патріарха и пыталось пойти иной дорогой; пусть самъ Фотій позднѣе искалъ, на извѣстныхъ условіяхъ, союза съ Римомъ; логика вещей возвратила и правительство и Фотія, народъ и церковь на тотъ путь, который былъ намѣченъ или угаданъ Фотіемъ. Отчетливое пониманіе смысла историческаго момента, интересовъ церкви и народныхъ чувствъ и дало Фотію ту увѣренность, съ какою онъ выступилъ противъ Рима и которая устраняла всякое опасеніе остаться одинокимъ въ своемъ рѣшительномъ протестѣ противъ Рима.

Какъ ни серьезно было столкновеніе съ Николаемъ, и какъ ни велика была сила папства, Фотій могъ не опасаться за исходъ столкновенія.

Да при томъ, на его сторонѣ стояли три восточныхъ патріарха. Союзъ съ ними создавалъ такое положеніе, что Римъ, отдѣляясь отъ К-поля, отдѣлялся и отъ всѣхъ четырехъ патріарховъ. Изъ пяти исторически признанныхъ патріаршихъ кафедръ за Западомъ оставалась только одна; Востокъ получалъ лишнее право утверждать, что именно онъ представляетъ идею вселенской церкви.

Церковно-національныя позиціи Фотія были непоколебимы; исторія вполнѣ подтвердила это.

Но личной судьбѣ Фотія грозили тяжкія испытанія. Они пришли вмѣстѣ съ измѣнившимися политическими условіями Византіи.

Видимымъ образомъ ничто не предвѣщало приближенія катастрофы. Михаилъ твердо поддерживалъ Фотія въ его церковныхъ предпріятіяхъ; Василій долженъ былъ согласовать свои дѣйствія съ волей Михаила. Правителей и патриарха, видимо, удовлетворяло общее теченіе дѣлъ, и это настроеніе отразилось въ особомъ торжествѣ религиозно-политическаго характера, состоявшемся въ К-полѣ въ послѣдній годъ правленія Фотія ¹⁾. Церковь и государство праздновали побѣду надъ всѣми ересями. Незадолго предъ этимъ императоры издали письменное изложеніе православной вѣры, а въ столицѣ былъ воздвигнутъ столпъ въ честь императоровъ съ надписью въ память торжества надъ ересями ²⁾. О внѣшнихъ поводахъ къ торжеству и его времени можно говорить лишь предположительно. Изъ письма Фотія къ Иоанну, митр. ираклійскому ³⁾, извѣстно, что за время совмѣстнаго правленія Михаила и Василія на восточныхъ границахъ имперіи, около Арменіи, произошло какое-то возстаніе, создавшее смуту во всей Малой Азіи и повлекшее къ междуусобнымъ столкновеніямъ греческихъ военачальниковъ. Возстаніе можно сближать съ мятежомъ Симватія, а въ послѣднемъ предполагать участіе жившихъ на границахъ съ Арменіей павликіанъ. Опустошительные набѣги павликіанъ на Малую Азію извѣстны съ перваго года единодержавія Василія ⁴⁾; вполне допустимо, что ихъ враждебныя выступленія начинались и за время соимператорства. Возстаніе было подавлено, сопротивленіе еретиковъ сломлено. Василій, какъ кажется, сыгралъ въ событіяхъ видную роль ⁵⁾. Этой побѣдѣ надъ еретиками въ К-полѣ, повидимому, и при-

¹⁾ Памятникомъ торжества осталась произнесенная по этому поводу рѣчь Фотія. *Арх. Порфирій Успенскій*. Четыре слова Фотія, святѣйшаго патриарха к-польскаго. СПб 1864. стр. 39 и дал. *ἱστορικὴ Φωτίου, πατρ. Κ-πόλεως, Λόγοι καὶ ὁμιλίαι*. Том. В', σελ. 314.

²⁾ См. рѣчь и ея надписаніе.

³⁾ См. выше (235, 337).

⁴⁾ *А. А. Васильевъ*. Византія и арабы. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время Македонской династіи. СПб 1902, стр. 25 и далѣе.

⁵⁾ Можно заключать объ этомъ изъ отдѣльныхъ мѣстъ рѣчи Фотія.

дали болѣе широкое значеніе, устроивъ по ея поводу праздникъ православія. Когда состоялось торжество, неизвѣстно; но широкіе размѣры смуты заводятъ на мысль, что она продолжалась довольно долго, можетъ быть, съ лѣта 866 г., когда она началась, до зимы и даже весны 867 года ¹⁾.

Скудная историческимъ содержаніемъ, рѣчь Фотія не даетъ описанія совершившихся событій, хотя и приписываетъ имъ очень большое значеніе; ея цѣль выразить радость церкви о побѣдѣ надъ ересями и воздать похвалу императорамъ, содѣйствовавшимъ этой побѣдѣ. Настроенный на высокой ладъ, ораторъ и восхваляетъ Михаила и Василия, каждого порознь, но въ одинаковой степени, въ пышныхъ выраженіяхъ, по правиламъ византійскаго витійства, собравъ много, что можно сказать въ ихъ похвалу и, конечно, оставляя въ сторонѣ всѣ ихъ недостатки. Главный подвигъ, прославляемый у нихъ, это—письменное исповѣданіе вѣры, которое они издали и которымъ, по мнѣнію оратора, поражены всѣ ереси ²⁾.

¹⁾ Такъ какъ патріархъ въ своей рѣчи упоминаетъ ап. Петра, то можно бы отнести праздникъ къ 29 іюня 867 г., дню верховныхъ Апостоловъ (*Арх. Порфирій Успенскій* цит. соч. 85, *Αριστάρχης* II, 312); но возможно, что упоминаніе апостола случайно, тѣмъ болѣе, что не названъ ап. Павелъ. Относитъ торжество къ августу (какъ считаетъ одинаково возможнымъ арх. Порфирій, 86) едва-ли слѣдуетъ: къ этому времени какъ разъ закончились соборныя засѣданія, и было-бы естественно въ рѣчи упомянуть о соборѣ. Нужно замѣтить, что столкновеніе съ латинской миссіей въ Болгаріи ничѣмъ не отразилось въ рѣчи.

²⁾ Ораторъ заявляетъ, что онъ не намѣренъ останавливаться на личныхъ достоинствахъ императора Михаила, на его умѣ, твердости, ласковости и доступности обращенія, наконецъ, его щедрости; не будетъ онъ говорить и о его политическихъ успѣхахъ—побѣдахъ, завоеваніяхъ городовъ, переселеніи враговъ и устроеніи городовъ у союзниковъ; цѣль оратора говорить только о дѣлахъ благочестія. Императоръ, волюбленный сынъ церкви, усновленный ею отъ пленъ и воспитанный въ благочестіи, принесъ въ благодарность ей даръ—пораженіе всѣхъ ересей (ораторъ ихъ отчасти и перечисляетъ). Своимъ письменнымъ исповѣданіемъ, какъ богокованнымъ копьемъ, онъ нанесъ еретикамъ смертельный ударъ. Настоящій памятникъ выше всѣхъ, поставленныхъ прежними царями. То, чего предшественники достигали лишь частично, императоръ достигъ сразу и всецѣло и, своимъ подвигомъ освободивъ вселенную отъ зла, далъ великую радость видѣть общее согласіе, единство исповѣданія вѣры и каволической церкви.—Похвалы Василию равняются похваламъ Михаилу. Богъ, по милости къ своему народу, воздвигъ Ва-

Если повѣрить официальному панегирику, то между правителями слѣдовало-бы предполагать полное единодушіе. Въ дѣйствительности было какъ разъ наоборотъ.

Убійство Варды и рокованіе Василия не положило конца придворнымъ интригамъ. Теперь онъ возникли уже между Михаиломъ и Василиемъ ¹⁾. Вполнѣ правдоподобно, какъ это

силія, возлюбленнаго своего сына, истинную силу державы. Въ своемъ подвигѣ благочестія, въ устройствѣ торжества надъ ересями, Василій руководимъ свыше, а совѣтникомъ ему былъ верховный ап. Петръ, *ключедержецъ небесныхъ вратъ, Самую Истинную названный камнемъ и основаніемъ стѣны* (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ подчеркнутыхъ словъ нѣтъ; см. *Ἀριστοφάνης* II, 322). Провозглашеніе правой вѣры и побѣда надъ ересями выше и важнѣе всякихъ политическихъ дѣлъ. Моисей предотвратилъ уклоненіе евреевъ въ идолопоклонство избіеніемъ части народа; Финеевъ пролитіемъ крови спасъ народъ отъ язвы; Давидъ, хотя избавилъ евреевъ отъ плѣна побѣдой надъ однимъ иноплеменикомъ, но не отнялъ у филистимлянъ надежды когда-либо побѣдить евреевъ. Напротивъ, Василій, не проливая единоплеменной крови, истребилъ самое нечестіе, истребилъ язву не душъ, а тѣлъ, и не оставилъ ересямъ никакой надежды на побѣду, даровавъ церкви ненарушимый миръ, а государству единомысліе. Рѣчь заканчивается обращеніемъ къ патриціямъ и военачальникамъ, принимавшимъ участіе въ борьбѣ съ ересями, и приглашеніемъ къ клиру выразить радость и воскликнуть дарямъ съ Псалмопѣвцемъ: „напрягитесь, и успѣвай, и царствуй, двоица достолюбезная, въ которой обитаетъ благодать Троицы; напрягись, и успѣвай, и царствуй ради истины, кротости и правды“ (Пс. 44, 5).—Какъ ни повышены похвалы Михаилу, въ нихъ все-же просвѣчиваютъ его подлинные качества. Допустимо и то, что къ концу своей жизни онъ значительно исправился какъ правитель и человекъ (*Арх. Порфирій*, стр. 88).

¹⁾ Исторію этихъ интригъ и гибели Михаила хронисты освѣщаютъ различно, въ зависимости отъ своихъ личныхъ отношеній къ Македонской династіи. Группа Константина Порфирогенета (*Theoph. Contin.*, Lib. IV cap. 43 sq. Lib. V (= *Constant. Porphyrog.*) cap. 24 sq. *Cedren* II, 181; нѣсколько иначе p. 202 (P. G. CXXI, 1068; 1088). Cf. *Glycas*, 545), по понятнымъ мотивамъ, рисуется роль Василия въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ и совершенно снимаетъ съ него отвѣтственность за пареубійство: Василій навлекъ на себя гнѣвъ Михаила тѣмъ, что пытался удерживать его отъ порочной жизни, а его друзья, опасаясь за жизнь Василия и интересы государства, убили Михаила. Но даже Генезій (*Genes.* p. 112; P. G. CIX 1136), благосклонный къ основателю новой династіи и хорошо освѣдомленный въ придворныхъ отношеніяхъ, не находитъ возможнымъ всю вину сваливать на Михаила. Онъ отмѣчаетъ, что слухи ходили разные: одни говорили, что Михаилъ замышлялъ убить Василия; другіе, что онъ сохранялъ къ нему расположеніе, хотя завистники и старались возбудить вражду между ними. И если Генезій приписываетъ убійство Михаила не Василию, а его

утверждаютъ хронисты школы Константина Порфирогенета, что Василій, одаренный природнымъ умомъ и хорошимъ тактомъ, ставъ соимператоромъ, повялъ необходимость измѣнить свое поведеніе. Прежній сотоварищъ Михаила по кутежамъ и скачкамъ, онъ ведетъ теперь себя достойно положенія, бросаетъ безпутства и принимается за государственныя дѣла. По тѣмъ-же хронистамъ, Василій пытался убѣдить и Михаила оставить непристойныя занятія, указывая, что его поведеніе можетъ навлечь „ненависть гражданъ, возстаніе сената, осужденіе архіереевъ“. Подобныя поштыки допустимы. Ихъ было достаточно, чтобы Михаилъ, подъ вліяніемъ отчасти своихъ дурныхъ сотоварищей, отчасти завистниковъ Василія, охладѣлъ къ нему и приблизилъ къ себѣ новаго фаворита, патриція Василискіана ¹⁾, отличнаго гребца на царской тріерѣ. Частный случай показалъ Василію, насколько непрочно его положеніе. По поводу рожденія отъ Евдокіи Ингерины сына Льва, въ столицѣ состоялись торжественныя ристалища и послѣ нихъ пиръ, на которомъ Василискіанъ сумѣлъ ловко похвалить мастерской выѣздъ Михаила. Польщенный императоръ приказываетъ Василискіану надѣть на себя красныя сапоги—знакъ императорскаго достоинства, а на смущеніе Василія и слезы Евдокіи разсерженно замѣчаетъ, что онъ можетъ сдѣлать царемъ кого угодно и что красныя сапоги гораздо болѣе идутъ Василискіану, чѣмъ Василію ²⁾. Василію оставалось быть осторожнымъ ³⁾. Кажется, рожденіе Льва, отцомъ котораго правдо-

друзьямъ, то и онъ оговаривается, что, по слухамъ, друзья совѣтовали Василію покончить съ Михаиломъ и, слѣдовательно, Василій о ихъ планахъ былъ освѣдомленъ. Наконецъ, продолжатель Георгія, вполне независимый въ своихъ сужденіяхъ, опредѣленно свидѣтельствуетъ противъ Василія (*Georg. Contin.* 1068; P. G. CX. *Leo Gramm.* 250 (P. G. CVIII, 1081). *Pseudo-Symeon* 683; P. G. CIX, 745). По нему, Василій составилъ заговоръ противъ императора, о чемъ послѣдній получилъ предостереженіе отъ какого-то монаха, но не придавъ ему значенія, не принявъ мѣръ самозащиты и палъ жертвой заговора. Версія Продолжателя Георгія о роли Василія наиболѣе надежна.

¹⁾ Его братъ дважды занималъ должность эпарха столицы.

²⁾ Это не было вакантнѣ смерти Михаила, какъ ошибочно полагалъ *J. Pargoire. Les Saint-Mamas de Constantinople*, p. 300. *Извѣстія Русс. Археол. Института въ К-поль*, 1904 (IX).

³⁾ Порфирогенетъ передаетъ, что на жизнь Василія было сдѣлано даже покушеніе, когда на охотѣ, по приказанію Михаила, одинъ изъ воиновъ.

подобіѣе считать Михаила, встревожило Василия еще болѣе ¹⁾. Возведенный на тронъ Михаиломъ именно въ виду бездѣтности послѣдняго, Василій могъ опасаться, если не теперь, то въ дальнѣйшемъ будущемъ, или устраненія отъ соимператорства, или передачи правъ престолонаслѣдія Льву вмѣсто собственнаго, любимаго и старшаго сына Василия, Константина. Указанныя опасенія и побудили Василия составить на Михаила искусно скрытый заговоръ ²⁾.

цѣлясь въ звѣря, бросилъ въ него копьѣ (*Theoph. Cont. Lib. V, cap. 24; lib. IV, cap. 43*). Покушеніе, однако, сомнительно: если-бы Михаилъ такъ далеко зашелъ въ своей враждѣ, онъ принялъ-бы противъ Василия какія-либо предосторожности, чего онъ не сдѣлалъ. Брошенное копьѣ могло быть простой случайностью. Но если невѣроятно, чтобы Михаилъ организовалъ заговоръ на Василия, то уже совершенно недопустимо, чтобы въ такомъ заговорѣ могъ, изъ мести за Варду, принять участіе Фотій, какъ думаетъ *Gasquet, L'empire byzantin et la monarchie franque. Paris 1888, p. 392*.

¹⁾ *A. Vogt. Basil I. Paris 1908, p. 60*.

²⁾ Пофирогенетъ сообщаетъ, что за послѣдній годъ жизни Михаила его безпутства стали принимать угрожающій характеръ. Попойки во дворцѣ, въ компаніи шутовъ, изъ комедійныхъ дѣйствій переходятъ въ трагедію: опьяненный императоръ отдаетъ варварскія приказанія—одному отрубить руку, другому ногу, третьему голову. Обычно пьяныя распоряженія не исполнялись, но иногда ими пользовались въ интересахъ личной мести. Опасныя выходы императора и были лишнимъ мотивомъ къ заговору (*Theoph. Cont. Lib. IV, cap. 43; Lib. V cap. 26*).—Въ виду несомнѣнной тенденціозности внука Василия, можно заподозрѣть его рассказъ. Кажется, онъ и вторящіе ему хронисты нарочно сгруппировали и прикрасили безпутства и жестокости Михаила и придвинули ихъ къ его послѣднему году, чтобы показать неизбежность дворцовой революціи и оправдать ее. За послѣдній годъ жизни Михаила отмѣчены два случая его пирушекъ: одна, когда отличился Василискіанъ, другая наканунѣ убійства Михаила. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ присутствія шутовской компаніи и нѣтъ упоминанія о варварскихъ распоряженіяхъ. По поводу послѣднихъ не лишне замѣтить, что ни одного конкретнаго случая, когда пострадалъ-бы кто-нибудь отъ пьянаго приказанія Михаила, хронисты не указываютъ. Трудно настаивать на томъ, чтобы Михаилъ вполнѣ исправился къ концу жизни; но возобновленіе сношеній между нимъ и благочестивой Теодорой можетъ говорить за то, что онъ въ извѣстной мѣрѣ остепенился. Возвращенная въ 863 г. изъ монастырскаго заключенія, Теодора жила во дворцѣ Анеміи (въ окрестностяхъ современнаго Kanlidja, на азіатскомъ берегу средняго Босфора. *J. Parvgoire. A propos de Bogadion. Byzant. Zeitschrift 1903 (XII) 467 et suite*), гдѣ Михаилъ ее и навѣщалъ. Въ его отношеніяхъ къ матери замѣтна извѣстная внимательность. Незадолго до 23 сент. Теодора пригласила сына на

Развязка падаетъ на 23 сентября 867 года. Вечеромъ въ этотъ день Михаилъ ужиналъ во дворцѣ св. Маманта ¹⁾ въ присутствіи Евдокіи Ингеряны и Василия. Когда онъ достаточно опьянѣлъ отъ выпитаго вина, Василій незамѣтно вышелъ и сломалъ замокъ у императорской спальни. Ингерина по обычаю занимала Михаила любезностями. Послѣ ужина пьяный императоръ, поддерживаемый Василіемъ, направился въ спальню, и Василій, прощаясь, поцѣловалъ его руку. Василискіанъ спалъ съ Михаиломъ въ качества тѣлохранителя. Ночью Василій съ другими заговорщиками ²⁾ ворвались въ спальню и, преодолевъ слабое сопротивленіе честно исполнившаго свой долгъ спальника Игнатія, убили Михаила ³⁾.

обѣдъ, и Михаилъ отправилъ протовестіарія Рентавіа на охоту, чтобы подарить дичи къ обѣду, которому уже не было суждено состояться (*Georg. Cont.* 1068 (P. G. CX). *Leo Gramm.* 250 (P. G. CVIII, 1081). Cf. *Pseudo-Symeon.* 684, P. G. CIX, 745). По житію Теодоры, она внушала сыну заботиться о народѣ, помнить, что скорѣе правители существуютъ ради подданныхъ, чѣмъ подданные ради правителей, совѣтовала награждать людей по заслугамъ и наблюдать за правосудіемъ (*W. Regel. Analecta byzantinogussica.* Petropoli 1891. p. 15). Эти наставленія, если они вообще имѣли мѣсто, должны относиться къ описываемому времени (а не къ моменту ухода Теодоры отъ власти, куда приурочиваетъ ихъ житіе). Съ другой стороны, заботы Михаила объ украшеніи храмовъ, отмѣчаемыя хронистами и самимъ Фотіемъ, можно приписывать и вліянію патріарха.

¹⁾ Загородный дворецъ на западномъ, европейскомъ, берегу Босфора, въ современной мѣстности Бешикъ-Ташъ (*Béshik-Tach*). *J. Pargoire. Les Saint-Mamas de Constantinople. Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ К-поль.* 1904 (IX) p. 261 et suite; p. 274. Отъ дворца вужно отличать монастырь того-же имени, находившійся внутри городскихъ стѣнъ, въ юго-западной части К-поля (*ibid.* 274—277).

²⁾ Извѣстны имена восьми заговорщиковъ; большая ихъ часть принимала участіе и въ убійствѣ Варды. Впослѣдствіи, какъ рассказываютъ хронисты школы Логовета, всѣ они погнѣбли отъ разныхъ причинъ въ наказаніе за совершенное ими преступленіе.—*Οἰχονομος* сел. λδ', *Βαλέττα* сел. 52 и отчасти *Κρέμος* II, 344 находили возможнымъ допускать въ интригѣ противъ Михаила участіе Рима. Никакихъ основаній къ этому указать однако нельзя.

³⁾ *Georg. Cont.* 1068—1069. *Leo Gramm.* 250 sq. (P. G. CVIII. 1084). *Pseudo-Symeon.* 684 (P. G. CIX, 745). Образдо болѣе глухо *Genes.* 113 (P. G. CIX, 1136). *Theoph. Cont. Lib. IV, cap. 43; Lib. V, cap. 27. Cedren* II, 182. (P. G. CXXI. 1068); въ другомъ мѣстѣ Кедрія приписываетъ убійство уже прямо Василію, p. 202 (P. G. CXXI, 1088). *Zonara* III, 416. *Manas.* 224. *Glycas* 546. *Joel* 55' *Ephrem.* 113.—*Nicetas Parphl.* 540 A (P. G. CV). *Vita Nicolai Studitae*, P. G. CV, 913. Извѣстіе о гибели Михаила дошло до Запада; о западныхъ

На слѣдующее утро Василій былъ объявленъ единодержавнымъ императоромъ.

Перемяна правителя повлекла за собою переворотъ и въ церковныхъ дѣлахъ.

Никита Пафлагонъ рассказываетъ, что Фотій во взаимной враждѣ Михаила и Василія игралъ двусмысленную роль: не зная, за кѣмъ останется власть, онъ клеветалъ одному на другого, думая этимъ обезпечить себѣ расположеніе обоихъ, хотя къ обоимъ его дружба была неискренней; кто останется единодержцемъ, того Фотій и рассчитывалъ сдѣлать своимъ наиблизкимъ другомъ. Не нравилось это Василію, замѣчаетъ Никита, и онъ негодовалъ на патріарха ¹⁾.

Никитѣ можно было-бы повѣрить, если-бы онъ не хотѣлъ представить Фотія столь безнадежно и столь опасно для самого себя безтактнымъ. Патріархъ прекрасно былъ знакомъ съ придворной жизнью и ея подводными камнями; онъ видѣлъ, какъ круговоротъ интригъ увлекалъ къ гибели самыхъ вліятельныхъ людей, вродѣ Θεоктиста и Варды, и если теперь замѣтилъ возникшую между императорами вражду, то не могъ не понимать, что единственно возможный, безопасный и достойный образъ дѣйствій для него—это стоять въ сторонѣ отъ интригъ, оказывая обоимъ государямъ честь, принадлежащую ихъ положенію. Въ похвальной рѣчи Фотія, сказанной Михаилу и Василію по поводу торжества надъ ересями, и можно усматривать очевидное доказательство осторожности и такта патріарха: каждому изъ императоровъ возданы совершенно равныя, хотя и не тождественныя похвалы. Нужно было выжидать, какъ сложатся событія. Можетъ быть, занятое Фотіемъ нейтральное положеніе и не нравилось Василію? Онъ замышлялъ переворотъ, долженствовавшій отдать въ его руки нераздѣльную верховную власть, и, конечно, не могъ не заботиться о подготовкѣ достаточной опоры для своего будущаго положенія. Поддержка со стороны патріарха, духовная власть и вліяніе котораго въ государствѣ были очень велики, представлялась Василію не только желатель-

свидѣтельствахъ см. *Dümmeler*, *Geschichte des Ostfränk. Reiches*. Leipzig 1887. B. II, S. 209.

¹⁾ Vita Ignatii 537-540. *Hergenröther* (II, 6) всецѣло присоединяется къ Никитѣ. Съ нѣкоторымъ колебаніемъ то-же дѣлаетъ *Vogt* p. 210.

ной, но и необходимой. Не казалось ли ему отношеніе Фотія мало общающимъ? Не хотѣлъ ли онъ видѣть въ немъ болѣе ревностнаго сторонника своихъ плановъ? Это представляется вполне вѣроятнымъ. Здѣсь же можно было-бы искать и первыхъ мотивовъ, побудившихъ Василия, вслѣдъ за дворцовымъ переворотомъ, совершить крутую перемѣну и въ церковныхъ дѣлахъ: удалить съ кафедры Фотія и возстановить Игнатія ¹⁾.

Обстоятельства изложенія Фотія излагаются въ источникахъ довольно запутанно и не безъ противорѣчій. Такъ какъ обстоятельства эти стояли въ естественной связи съ мотивами, побуждавшими Василия къ церковному перевороту, то и разсматривать ихъ необходимо въ отношеніи къ этимъ возможнымъ мотивамъ.

¹⁾ Если свои отношенія съ Василиемъ, бывшія до переворота, Фотій самъ, въ письмахъ къ Василию изъ заточенія (*Basilla ep.* 218, 219; P. G. III, Lib. I, ep. 16, 17), называетъ дружескими, то дружбу эту вужно понимать въ очень ограниченномъ смыслѣ. Это не болѣе, какъ высшая корректность отношеній, выражавшаяся въ томъ официальном почтеніи, которое обязаны были оказывать другъ другу императоръ и патріархъ. Недаромъ Фотій и видитъ выраженіе дружбы въ такихъ высше-официальныхъ актахъ, какъ коронованіе, преподаваніе св. Таинъ и т. д. О какой-либо подлинной, интимной дружбѣ говорить нѣтъ никакихъ основаній, что и оказалось въ моментъ переворота.—О письмѣ Василию, епарху города, см. выше (стр. 211). Если-бы даже принять тождественность Василия епарха съ Василиемъ Македоняниномъ, то и тогда въ письмѣ трудно видѣть серьезный поводъ къ разрыву императора съ патріархомъ. Какъ ни суровы упреки Фотія адресату, въ концѣ концовъ они условны. „Гибнетъ добро, пишетъ Фотій, исчезаетъ красота добродѣтели, торжествуетъ зло; ложь оперяется, истина теряетъ крылья. Отчего эта Илиада золь? Оттого, что, какъ говорятъ, ты управляешь (*ἄρχεις*), а люди, гораздо болѣе тебя достойные правительствовать, вынуждены влечь твое тяжелое иго, и умѣреннымъ считается для нихъ наказаніе, если не отнимаютъ ихъ жизнь; другими словами, въ городѣ—разбойникъ и всенародный палачъ“. Однако, патріархъ не рѣшается утверждать, что эти слухи вѣрны, и потому его наставленія условны: если епархъ действительно дѣлаетъ то, что приписываетъ ему молва, пусть онъ оставитъ зло и наслія; если-же его обвиняютъ ложно, пусть забѣгаетъ и близости къ этимъ порокамъ.—*A. Gasquet* (*L'empire byzantin et la monarchie franque*, 1888 p. 391—2) не только видитъ въ адресатѣ Василия Макед., но и относитъ письмо ко времени убійства Михаила, забывая, что оно адресовано епарху, а не императору, какимъ былъ Василій въ 867 году. Введшее его въ заблужденіе слово *ἄρχεις* должно быть переведено или въ смыслѣ „управлять“, или-же „дарствовать“ въ переносномъ значеніи.

Когда утромъ 24 сентября Василій объявилъ себя единодержавнымъ императоромъ, наличныя условія съ необходимою диктовали ему опредѣлить планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Предъ нимъ стояло два основныхъ вопроса: во 1-хъ, что онъ долженъ предпринять, чтобы обезопасить и упрочить свое новое положеніе? и во 2-хъ, долженъ-ли онъ, въ управленіи государствомъ, продолжать во всемъ политику своего предшественника, или-же измѣнить ее въ отдѣльныхъ пунктахъ?

Рѣшеніе перваго вопроса было въ значительной мѣрѣ облегчено для Василія его прежнимъ положеніемъ въ государствѣ. Усыновленный Михаиломъ и коронованный имъ въ соимператоры, Василій выступилъ теперь въ качествѣ законнаго наслѣдника имперіи. Онъ былъ цареубійца и даже отцеубійца; но онъ не былъ узурпаторомъ въ собственномъ смыслѣ, и подданные не имѣли основаній отказывать ему въ повиновеніи. Не нуждаясь ни въ провозглашеніи императоромъ, ни въ обрядѣ коронованія, Василій могъ съ перваго-же момента на законныхъ основаніяхъ приступить къ осуществленію своихъ верховныхъ правъ. Въ этомъ смыслѣ его прежній санъ облегчалъ ему переходъ къ единодержавію. Но фактически возможность оппозиціи не была исключена. Правда, Михаилъ не принадлежалъ къ числу правителей, способныхъ привязать къ себѣ націю. Но онъ могъ въ извѣстной степени нравиться народнымъ массамъ своею доступностью и простотою обращенія, своею щедростью и любовью къ публичнымъ развлеченіямъ. Часть высшаго чиновничества, выдвинувшаяся при немъ и Вардѣ, и аристократическіе роды, приближенные къ аморійцамъ, могли съ враждебнымъ опасеніемъ встрѣтить основателя новой династіи, не зная, чего имъ отъ него ожидать. Наконецъ, Михаилъ былъ сыномъ благочестивой Θεодоры и законнымъ императоромъ, и армія, какъ и общество, не могли съ полнымъ равнодушіемъ встрѣтить извѣстіе о его гибели. Молчаніе источниковъ дѣлаетъ затруднительнымъ предположеніе, что за личнымъ столкновеніемъ двухъ императоровъ скрывалась болѣе серьезная борьба сильныхъ и организованныхъ политическихъ партій¹⁾. Михаилъ не обнаружилъ ни достаточной предумо-

¹⁾ Нѣтъ основаній предполагать и то, чтобы Василій дѣйствовалъ въ

трительности, ни организаторскаго таланта, чтобы сплотить около себя группу единомышленныхъ людей,—его веселая компанія, конечно, въ счетъ итти не можетъ. Прежніе сторонники Варды, послѣ убійства кесаря, должны были отойти отъ Михаила; новыхъ друзей приобрести себѣ онъ не могъ. Кажется, приблизивъ Василискіана и сдѣлавъ его личнымъ, но не очень бдительнымъ тѣлохранителемъ, Михаилъ этимъ и ограничилъ заботы о своей безопасности. Тѣмъ не менѣе, Василию было естественно считать враждебнымъ себѣ все то, что могло съ сочувствіемъ отнестись къ памяти Михаила, а слѣдовательно, благоразуміе и всѣ наличныя обстоятельства диктовали ему позаботиться о томъ, чтобы уничтожить самую возможность сопротивленія. Возможность бунта была довольно велика. Командиръ флота Орифа, вѣрно служившій Михаилу, подъ первымъ впечатлѣніемъ царубійства готовъ былъ выступить съ местию за Михаила. Къ счастью для Василія, ему удалось склонить на свою сторону Орифу, и возмущеніе было предупреждено. Сухопутная-же армія, которой Василій могъ быть извѣстенъ лучше, чѣмъ флоту, осталась ему вѣрна. Поддержка арміи и флота, конечно вполне обезпечивала его положеніе; но Василій не упускаетъ изъ вниманія и другихъ мѣръ, способныхъ дать ему опору. Опѣнивая вполне силу золота¹⁾ и нуждаясь въ ней, онъ въ тотъ-же день, 24 сент., ревизуетъ, достаточно опустошенную при Михаилѣ, государственную кассу и требуетъ возвращенія въ казну суммъ отъ лицъ, неправильно ихъ получившихъ²⁾. Въ заботахъ о своемъ положеніи, Василій долженъ былъ обратить самое серьезное вниманіе и на отношеніе къ совершившемуся событію церкви и патріарха. Ихъ вліяніемъ

соглашеніи съ партіей Игнатія. См. *Θ. Кургановъ*. Къ изслѣдованію о патр. Фотіѣ. *Христ. Ученіе* 1895, ч. I, стр. 204.

1) Какъ и вообще византіяцы хорошо ее опѣнивали:

*Ὁ βασιλεὺς γὰρ ἀπορῶν ἄλβου πολυτάλαντου
ἀντιχρὸς ἐστὶν ἀετὸς παλαιγενῆς τριγύρων,
ἀφρημένος τὰ πτερά, τοὺς ὄνυχας, τὸ ράμφος.*

Manass. 244.

2) Тѣмъ не менѣе, источники ничѣмъ не подтверждаютъ соображенія о. Иванцова-Платонова (Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патр. к-польскомъ. СПб 1892. Прилож. стр. 76) о томъ, что однимъ изъ мотивовъ къ низложенію Фотія было желаніе Василія конфисковать имущества патріарха, какъ его личныя, такъ и церковныя, отданныя въ его распоряженіе.

и сочувствіемъ пренебрегать было никакъ нельзя, и имѣя ихъ, при наличныхъ условіяхъ, на своей сторонѣ, можно было считать общественную совѣсть примиренной съ переворотомъ, а личное положеніе окончательно упроченнымъ.

Какого отношенія къ себѣ со стороны Фотія естественно было ожидать Василию? Прошлое Фотія рѣшительно ничѣмъ не было связано съ Македоняниномъ. Его возвышенію на кафедрѣ содѣйствовало правительство Михаила; оно-же помогало ему въ различныхъ случаяхъ его широкой патріаршей дѣятельности. Не обязанный ничѣмъ собственно Василию, патріархъ лично не имѣлъ основаній привѣтствовать дворцовый переворотъ. Съ другой стороны, его ровное отношеніе къ обоимъ царямъ за время ихъ совмѣстнаго управленія не давало Василию надеждъ видѣть въ Фотіѣ своего убѣжденнаго сторонника и ревностнаго сотрудника. При такихъ условіяхъ извѣстная доля подозрительности къ патріарху у Василия была естественна ¹⁾.

Съ другой стороны, въ вопросѣ объ общемъ направленіи государственныхъ дѣлъ, для основателя новой династіи представлялось болѣе выгоднымъ рѣшеніе въ томъ смыслѣ, чтобы по возможности ходъ дѣлъ измѣнить. Конечно, не все было плохо при Михаилѣ или, точнѣе, при Вардѣ. Внѣшняя оборона государства, правосудіе, просвѣщеніе, церковныя дѣла, все это находилось не только въ удовлетворительномъ, но и въ хорошемъ состояніи ²⁾. Плохи оказывались, собственно, только финансы. Но въ прямыхъ расчетахъ Василия было показать въ обществѣ, что съ появленіемъ его на тронѣ все измѣняется къ лучшему и недочеты прежняго управленія должны исчезнуть. Въ частности, въ оцѣнкѣ церковныхъ дѣлъ мнѣнія въ обществѣ, какъ извѣстно, расходились. Одни

¹⁾ *Vogt*. p. 211 думаетъ, что Василій долженъ былъ видѣть въ Фотіѣ беспокойнаго агитатора, у котораго могли быть планы, направленные противъ династіи. Никакихъ доводовъ въ пользу своего мнѣнія *Vogt* однако не приводитъ.

²⁾ Константинъ Порфирогенетъ (*Lib. V, cap 29*) говоритъ, въ похвалу Василию, что едва онъ вступилъ на престолъ въ качествѣ единоподержавнаго правителя, какъ въ К-поль приходятъ вѣсти о военныхъ успѣхахъ имперіи и объ освобожденіи плѣнныхъ византійцевъ. Поянтно, что эти успѣхи были подготовлены дѣятельностью прежняго правленія.

полагали, что дѣла идутъ, какъ должно идти; другіе, т. е. сторонники Игнатія, думали наоборотъ. Съ точки зрѣнія государственной власти, правленіе Фотія не могло вызывать какихъ-либо возраженій. Разносторонняя дѣятельность патріарха придавала блескъ не только церковной, но и государственной жизни; она широко содѣйствовала политическимъ интересамъ Византіи, и даже столкновеніе съ Римомъ, противорѣча исконнымъ междуцерковнымъ отношеніямъ, въ данный моментъ, въ виду верховническихъ притязаній папы, находило себѣ полное оправданіе. Измѣнять что-либо въ церковныхъ дѣлахъ, по существу, было нечего; самая попытка въ этомъ направленіи, какъ показало будущее, обрекалась на рѣшительную неудачу. Но Василию было выгодно измѣнять, чѣмъ не измѣнять, и онъ рѣшается на перемѣну.

Но если ставился вопросъ о перемѣнѣ, то не могли быть оставлены безъ вниманія отношенія къ Риму. Василиій хорошо зналъ, какъ далеко зашелъ разрывъ между церквями и какой тяжкій ударъ папѣ наносился опредѣленіями недавно состоявшагося к-польскаго собора. Осуществить эти опредѣленія значило-бы окончательно порвать съ папой. Однако Василиій иначе расцѣнилъ значеніе союза съ Римомъ, чѣмъ Михаилъ, и предпочелъ сохранить его въ силѣ¹⁾. Необходимымъ-же условіемъ этого союза и его естественнымъ слѣдствіемъ было возвращеніе Игнатія на кафедру; провести одну мѣру безъ другой представлялось невозможнымъ.

Что касается народнаго мнѣнія, будто-бы требовавшаго восстановленія несправедливо гонимаго Игнатія²⁾, то едва ли оно оказало серьезное давленіе на Василия. Несомнѣнно, въ народныхъ массахъ были сочувствующіе Игнатію. Но ихъ сочувствіе могло быть удовлетворено простымъ прекращеніемъ преслѣдованій и обезпеченіемъ Игнатію почетнаго по-

¹⁾ Возможно, что за самое послѣднее время въ К-поль были получены надежныя извѣстія о состоявшемся примиреніи Людовика II съ папой. Тогда отъ попытки восстановить западнаго императора противъ Николая вообще было дѣлесообразнѣе воздержаться.—По мнѣнію Папарригопуло (IV, 302), Василиій счелъ болѣе выгоднымъ сдѣлать уступку папѣ, чѣмъ выполнить обѣщаніе Людовику II признать за нимъ императорскій титулъ.

²⁾ *Hergenröther* II, 18.

ложенія ¹⁾. Дѣятельность Фотія для всѣхъ, кто былъ способенъ осмыслить ее хотя отчасти, должна была возбуждать лишь сочувствіе, и не безъ основанія видятъ выраженіе этого сочувствія въ тѣхъ запискахъ, которыя были поданы въ защиту Фотія на судѣ 869 г. отъ имени низшаго столичнаго населенія и различныхъ ремесленныхъ группъ ²⁾. Тѣмъ не менѣе Василій могъ быть увѣренъ, что если, удаляя Фотія, онъ возбудитъ неудовольствіе многихъ, то возвращеніемъ Игнатія примиритъ съ собою, точно неизвѣстную ему количественно, но несомнѣнно существующую въ обществѣ, партію ³⁾. Это заранѣе обезпеченное сочувствіе давало лишній мотивъ дѣйствовать рѣшительно. Но дѣйствовать необходимо было и безотлагательно: византійская депутація двигалась уже въ Италію, увозя акты собора съ собственноручной подписью Василія.

Обращаясь собственно къ показаніямъ источниковъ, мы встрѣчаемъ о разрывѣ Василія съ Фотіемъ свѣдѣнія, какъ

¹⁾ Нельзя, конечно, приписывать серьезнаго значенія шуткѣ Михаила, скаавшаго будто-бы, что для него патріархомъ является Гриллъ. Для Варды Фотій, для народа Игнатій,—тѣмъ болѣе, что остается неизвѣстнымъ, когда эти слова могли быть произнесены. Если они относились къ первымъ годамъ правленія Фотія, когда онъ еще не достаточно проявилъ себя и развилъ свою дѣятельность и когда гоненія на Игнатія были особенно тяжелы и потому привлекали къ гонимому сочувствіе народа, то съ тѣхъ поръ прошло времени не мало, и отношеніе къ Фотію даже простонародья могло, подъ вліяніемъ плодотворной дѣятельности патріарха, рѣзко намѣниться.

²⁾ *Mansi XVI, 135-6. A. П. Лебедевъ*, Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ. Москва 1900. стр. 175. *H. Gelzer*. Byzantinische Kulturgeschichte. Tübingen 1909. S. 99. Русс. переводъ: „Очерки по исторіи Византіи“ подъ ред. *В. Н. Бенешевича*, Вып. II, СПб. 1912, стр. 76.

³⁾ Къ этой партіи должны были примкнуть и всѣ, лично недовольные Фотіемъ за его обличенія въ его обширной перепискѣ.—При всемъ томъ нѣтъ основаній преувеличивать численность и значеніе этой партіи, какъ это довольно часто дѣлается (*Παπαρρηγόπουλος IV, 302; Vury 204; Κρέμος II, 343*). Не нужно забывать, что въ общеніи съ Игнатіемъ къ моменту его возвращенія на кафедру оставалось только 12 епископовъ (*Vita Ignatii 544 D*), которыхъ мы и видимъ на первомъ засѣданіи собора 869 года (*Mansi XVI, 18*). Равнымъ образомъ, сочувствіе къ нему въ народѣ ни разу не проявилось такъ широко, чтобы вызвать въ его пользу народное движеніе. Не удивительно, если Василій Македонянинъ въ письмѣ къ патрѣ Николаю жаловался, что немногіе устояли противъ „хитрости“ Фотія и удержались отъ общенія съ нимъ. *Mansi XVI, 46 D*.

сказано, мало согласованныя. Никита Пафлагонъ сообщаетъ, что 24 сентября, въ первый-же день единоподержавія, Василій распорядился вернуть съ дороги посольство Захаріи Халкидонскаго, 25 сент. удаляетъ Фотія съ престола и заключаетъ въ монастырь Скепи; на слѣдующій день возвращаетъ Игнатія изъ ссылки съ острова и помѣщаетъ во дворцѣ его родителей Манганахъ. Далѣе онъ производитъ обыскъ въ помѣщеніи Фотія и найденныя копіи соборныхъ актовъ представляетъ собору; но лишь 23 ноября Игнатій возстаетъ на каеэдрѣ ¹⁾. По разсказу Анастасія Библиотекаря, Василій, ставъ единоподержавнымъ, наводитъ справки о рѣшеніи апостольской каеэдры какъ по дѣлу иконоборцевъ, возобновившихъ исподволь свое дерзостное пустословіе противъ иконъ, такъ и по дѣлу Фотія и Игнатія. Когда ему сообщили, что апостольская каеэдра еще въ 863 г. отвергла Фотія и признала патріархомъ Игнатія, онъ немедленно отыскиваетъ папскія письма, тщательно скрытыя Фотіемъ, и исполняетъ постановленіе папы, т. е. убѣждаетъ Фотія, неправильно, послѣ низложенія, обладавшаго священнымъ служеніемъ, оставить каеэдру, а Игнатія уговариваетъ принять ее ²⁾. По Митрофану Смирнскому, Василій, вернувъ пословъ, отобралъ у нихъ копію соборныхъ актовъ и предъявилъ ее собравшимся въ Хризотрикливіи свѣтскимъ чинамъ и епископамъ; всѣ были изумлены и отлучили (*ἀπεκήρυξαν*) Фотія ³⁾. У свѣтскихъ хронистовъ фактъ низложенія Фотія передается въ двухъ версіяхъ. Одна идетъ отъ Продолжателя Георгія ⁴⁾, другая отъ Константина Порфирогенета ⁵⁾. По первой, когда Василій вошелъ въ Софійскій храмъ, намѣреваясь причаститься, Фотій назвалъ его разбойникомъ и убійцей, недостойнымъ причастія. Разсерженный императоръ

¹⁾ Vita Ignatii 540 sq.

²⁾ Photio sacro ministerio post depositionem irregulariter abutenti, throno C-tano cedere persuadet et Ignatium hunc recipere adhortatur. *Mansi* XV, 6 C-D.—Такъ освѣщаетъ удаленіе Фотія между прочимъ Г. Герцбергъ, *Исторія Византіи*. Москва 1897, стр. 138.

³⁾ *Mansi* XVI, 420 A.

⁴⁾ *Georg. Cont.* 1076 (P. G. CX). Версія повторена у Льва Грамматика р. 254 (P. G. CVIII, 1088), Псевдо-Симеона р. 688 (P. G. CIX, 749) и Зонары III, 418. Cf. *Joel* p. 55.

⁵⁾ *Theoph. Contin.* Lib. V cap. 32. *Cedren.* II, 205 (P. G. CXXI, 1092).—У Манассы глухо—р. 224, какъ и у Глики р. 547.

вступилъ въ сношенія съ Римомъ, изгналъ Фотія и вернулъ Игнатія. По версіи Порфирогенета, желая привести въ порядокъ церковныя дѣла и уничтожить смуту, вызванную низложеніемъ Игнатія и возведеніемъ Фотія, Василій созываетъ отовсюду епископовъ на соборъ, подтверждаетъ постановленія седьмого вселенскаго собора, анаеematствуетъ остатки иконоборцевъ и возстановляетъ Игнатія, заставивъ Фотія дожидаться освобожденія каедръ до смерти Игнатія ¹⁾.

При всей несогласованности приведенныхъ показаній, внѣшняя связь фактовъ представляется достаточно ясною. Какъ утверждаетъ Никита, Фотій 25 сент. удаленъ въ Скепи гдѣ, очевидно, долженъ былъ дожидаться окончательнаго рѣшенія своего дѣла. На слѣдующій день Игнатій возвращенъ изъ ссылки, но еще не возстановленъ въ патриаршество. Затѣмъ производится слѣдствіе, о которомъ, едва ли впрочемъ точно въ подробностяхъ, говорятъ Анастасій и Митрофанъ, и Фотій объявляется низложеннымъ; 23 ноября Игнатій торжественно вступаетъ въ отправленіе патриаршихъ обязанностей. Гораздо труднѣе согласовать источники въ приводимыхъ ими мотивахъ низложенія. По Никитѣ и Митрофану, Василіемъ руководило личное неудовольствіе на Фотія въ связи съ сочувствіемъ къ Игнатію; Анастасій, съ одной стороны, подчеркиваетъ столь пріятную для Рима готовность Василія исполнить волю папы ²⁾, съ другой—отмѣчаетъ его желаніе упорядочить церковныя дѣла. Последній мотивъ опредѣленно заявленъ и самимъ Василіемъ Македоняниномъ въ его письмахъ, писанныхъ Николаю послѣ переворота, при чемъ у Василія представлено дѣло, какъ отчасти и у Анастасія, въ томъ смыслѣ, что Фотій не

¹⁾ Выраженіе анонимнаго автора трактата *De separatione Romae veteris ab Ecclesia Graeca* у Льва Алляція по своей неопредѣленности ничего не даетъ... τοῦ βασιλέως Βασιλείου διὰ τινὰς οἰκείας ὁρέξεις ὡς ἔθος τοῖς κρατοῦσι τὸν Φώτιον καταβιβάζαντος. *Leonis Allatii, De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione. Coloniae Agrippinae 1648, p. 549. Cf. Σοφοκλ. Οἰκονόμου, Φώτιον τὰ Ἀμφιλόχεια. Ἀθήνησι 1858, σελ. λδ' σημ. γ.*

²⁾ Анастасій эту сторону выдвинулъ или самъ, чтобы сказать пріятное папѣ Адриану, или же ему наговорили объ этомъ въ К-полѣ, какъ можно судить по письму Василія Македонянина къ папѣ Николаю (письмо получилъ уже Адрианъ II). *Manzì XVI, 46.* Основательныя возраженія на Анастасія см. у *Иванцова-Платонова.* Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патр. в-польскомъ. СПб 1892. Прилож. стр. 66.

столько удаленъ насильственно, сколько ушелъ добровольно, и не навсегда, а лишь временно, до освобожденія кathedры ¹⁾. Мысли Василя цѣликомъ цѣворены и Константиномъ Порфирогенетомъ ²⁾. Въ сущности, мотивировка названныхъ авторовъ поддается объединенію: Василій, дѣйствительно, могъ, въ той или другой мѣрѣ, руководиться одновременно всѣми указанными мотивами. Но вотъ вопросъ: есть-ли что-либо достовѣрное въ свидѣтельствѣ Продолжателя Георгія? Если принять во вниманіе допустимое согласіе указанныхъ свидѣтелей, то не слѣдуетъ-ли трудно согласимое съ ними показаніе Продолжателя отвергнуть безъ всякаго разсмотрѣнія, какъ покоящееся на недоразумѣніи? Конечно, при указанныхъ обстоятельствахъ отвергнуть было-бы нетрудно, если-бы оно не являлось показаніемъ *единственнаго незаинтересованнаго* свидѣтеля. Что Никита и Митрофанъ склонны передавать факты въ освѣщеніи, исключительно неблагоприятномъ Фотію, это достаточно извѣстно, какъ извѣстно и то, что Константинъ Порфирородный смягчалъ краски въ пользу своего дѣда Василя, а Анастасій вездѣ проводилъ точку зрѣнія римскихъ интересовъ. Продолжатель Георгія былъ незаинтересованъ въ тенденціозномъ освѣщеніи событій; въ добавокъ, онъ считается вообще безпристрастнымъ и хорошо освѣдомленнымъ свидѣтелемъ ³⁾. Поэтому, отвергнуть его показаніе безъ разбора было-бы несправедливо.

Въ такомъ случаѣ, могло-ли произойти описанное Продолжателемъ Георгія событіе? Вѣшняя возможность для его совершенія ничѣмъ не исключена. Вполнѣ правдоподобно, что императоръ въ первые дни единодержавія осматривалъ не только казначейство и вообще государственныя учрежденія, но пожелалъ быть и въ Софійскомъ храмѣ ⁴⁾. Здѣсь

¹⁾ Василій смотритъ на Фотія, какъ на обладающаго полнотою іерархическихъ правъ; въ согласіи съ этой мыслью онъ и не коронуется вновь, довольствуясь первой коронаціей, совершенной Фотіемъ (Ф. Кургановъ. Къ изслѣдованію о патр. Фотіѣ. *Христ. Чтеніе* 1895, I, 209).

²⁾ *Theoph. Cont. Lib. V cap. 32; cf. cap. 40.*

³⁾ *F. Hirsch. Byzantinische Studien. Leipzig 1876. S. 56.* Если Продолжатель Георгія относится неблагоприятно къ Василю (*ibid. S. 57*), то эта неблагоприятность не обусловлена какимъ-нибудь предвзятымъ интересомъ и выразилась лишь въ указаніи поступковъ, дѣйствительно, не могущихъ свидѣтельствовать въ пользу Василя.

⁴⁾ Псевдо-Симеонъ говоритъ, что событіе происходило въ праздникъ

могла произойти встрѣча съ патріархомъ, рѣшившая участь послѣдняго ¹⁾. Однако, та торжественная обстановка и тотъ рѣзкій характеръ столкновѣнія, о которыхъ говоритъ Продолжатель, представляются мало вѣроятными. Высказывались мнѣнія, что Василій явился въ храмъ для совершенія обряда коронованія. Это невѣрно, потому что Василій, коронованный 26 мая 866 г., не нуждался въ повтореніи обряда ²⁾. Что касается причащенія, то не было-бы невѣроятнымъ, что Василій по какимъ-либо соображеніямъ имѣлъ намѣреніе приступить къ таинству. И тѣмъ не менѣе, трудно думать, чтобы дѣло произошло такъ, какъ говоритъ хронистъ. Трудно это думать не потому, что у патріарха не могло хватить смѣлости

Никакого праздника 24 и 25 сент. не было (числа приходились на среду и четвергъ). Нужно думать, что слово „праздникъ“ вставлено въ хронику по догадкѣ; его нѣтъ ни у Продолжателя Георгія, ни у Зонары.

¹⁾ Показаніе Продолжателя Георгія безъ какихъ-бы то ни было ограничѣній поддерживалось многими наслѣдователями. *Hankii*, De byzantinorum scriptoribus graecis. Lipsiae 1677. Pars I cap. XVIII § 108, p. 336. Патріархъ *Досивей*, *Τόμος χάρις*, 1705, сел. *κγ*. Онъ-же. *Περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων*, сел. 704. *Heinssii*, Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche. Leipzig 1711. S. 156. *Schröck*. Christliche Kirchengeschichte. Leipzig 1795. B. XXI, S. 195; B. XXIV, S. 162. (*Schwalbe*, Disput. acad. de discidio Eccl. Lugd. Bat. 1829, p. 113). *Муравьевъ*, Правда вселенской церкви. 1841, стр. 253. *Οἰκονόμος*, op. cit. § 21 сел. *λδ'*. *Арх. Филаретъ*, Историческое ученіе объ отцахъ церкви. СПб 1859. Ч. III, стр. 325. *Βαλέττα*, сел. 53. *Ἀνθρονίκου Δημητρακοπούλου*, Ἱστορία τοῦ σχίσματος τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας ἀπὸ τῆς ὀρθοδόξου ἑλληνικῆς. *Λευκίς* 1867, сел. 8. *Вл. Гетте*, Папство, какъ причина раздѣленія церквей. Харьковъ 1895, стр. 256. *Gasquet*, op. cit. p. 391 (объясняетъ рѣшительность Фотія его сознаниемъ, что теперь, по смерти Михаила, его положеніе все равно погибло). А. *Иванцовъ-Платоновъ*, цит. соч. Прилож. стр. 68 и дал. *I. Richterich*, Papst Nicolaus I. *Revue Internationale de Theologie*, 1902 p. 535.

²⁾ Если Генеаей говорить, и очень туманно, о какомъ-то коронованіи (*Genes*. 113; P. G. CIX. 1136), то подъ нимъ разумѣется, собственно, коронованіе царскихъ сыновей, и во всякомъ случаѣ это событіе падаетъ на гораздо болѣе позднее время, именно, 881 годъ. Cf. *Hirsch*, 167. *Θ. Κυρζановъ* 208.—Кажется, по поводу этого предполагавшагося коронованія Василій, чрезъ діакона Теофана, и задавалъ находившемуся въ изгнаніи Фотію вопросъ о томъ, почему Давидъ короновался не однажды, а нѣсколько разъ (*Βαλέττα* *ἐπ.* 50; *Migne* P. G. CI, Amphiloeh. questio 115). Нельзя, поэтому, принять мнѣніе, будто Фотій былъ удаленъ уже послѣ того, какъ успѣлъ совершить коронованіе Василія (мнѣніе высказывалось патр. *Досивеемъ*, *Περὶ τῶν ἐν Ἱεροσ. πατριαρχευσάντων*, сел. 704. Также *Dümmler*, II, 209. *Duschesne* II, 172).

выступить съ обличеніемъ ¹⁾, а потому, что въ его распоряженіи не могло быть достаточныхъ основаній къ столь суровому публичному обличенію императора. Встрѣча царя съ патриархомъ могла произойти или 24 или 25 сент. утромъ. Съ момента цареубійства прошло или нѣсколько часовъ или немного болѣе сутокъ. Убійство совершено ночью, интимнымъ кружкомъ заговорщиковъ; свидѣтели убійства, съ пострадавшей стороны, погибли вмѣстѣ съ Михаиломъ. Невѣроятно, чтобы Василій, кровно заинтересованный въ томъ, не воспользовался возможностью поставить себя внѣ обвиненія въ непосредственномъ пролитіи крови. Скрыть факта убійства было нельзя, и его не скрывали ²⁾; но дать убійству объясненіе и освѣщеніе, благоприятное для Василя, было вполне возможно. Позднѣйшія официальныя сообщенія

¹⁾ „Въ мужествѣ Фотія—наложить отлученіе на императора Василя, при тѣхъ историческихъ данныхъ о твердости его характера, какія имѣются, вельзя сомнѣваться“ (*Θ. Кургановъ*, цит. соч. стр. 206). Наоборотъ. Гергенрёттеръ находитъ въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы тотъ Фотій, „который льстил ничтожному Михаилу при всѣхъ его порокахъ, который имѣлъ достаточно основаній къ такому-же выступленію противъ Михаила и Варды и цюкогда не пытался сдѣлать это, но всегда приспособлялся къ обстоятельствамъ.—чтобы Фотій, не только оставившій безъ упрёка, но прославлявшій и одобрявшій вѣроломное и позорное убійство своего прежняго покровителя Варды, теперь обнаружилъ противъ могущественнаго единодержца Василя смѣлость, которая не стояла въ отвѣтствіи съ его прежнимъ поведеніемъ и въ немъ была-бы новостью“. *Hergenröther* II, 13; очевидно, подъ впечатлѣніемъ этихъ разсужденій остались *Παπαρρηγόπουλος* IV, 301 и *Vogt* p. 212.—Рѣчь о поведеніи Фотія въ пору убійства Варды, которое Гергенрёттеръ прежде всего имѣетъ въ виду, была выше. Здѣсь можно только напомнить, что во 1-хъ и патр. Игнатій имѣлъ вполне основательные поводы къ выступленію противъ Михаила, но ими однако не воспользовался, за что Г-ръ не винить его въ попустительствѣ; во 2-хъ, тотъ-же Игнатій обошелъ молчаніемъ убійство Василямъ Михаила, хотя съ теченіемъ времени истинный виновникъ злодѣянія долженъ былъ стать ему извѣстнымъ; и въ 3-хъ, Г-ръ могъ-бы нѣсколько умѣрить свое сужденіе объ отсутствіи смѣлости у Фотія, если-бы привелъ на справку поведеніе патриарха предъ его судьями на 5 засѣданіи собора 869 года: Фотій держалъ себя съ такимъ гордымъ достоинствомъ и смѣлостью, которыя привели въ раздраженіе его судей-враговъ и должны были только ухудшить его участіе. При этомъ Фотій, конечно, зналъ, что за соборомъ стоитъ противъ него самъ императоръ.

²⁾ Къ трупу допущены были мать и сестры Михаила, которыя и оплакали его гибель.

гласили, что Михаилъ убитъ лицами, опасавшимися за свою жизнь и охранявшими жизнь Василия ¹⁾. Нельзя сомнѣваться, что эта версія была пущена въ оборотъ еще утромъ 24 числа. Къ ней можно было въ душѣ относиться съ недо-вѣріемъ; но опровергать ее публично не было данныхъ. Позднѣе истина должна была открыться; даже сами уча-стники преступленія, которые почти всѣ, по сообщеніямъ хронистовъ, понесли за царубійство наказаніе по правосудію Божію, могли открыть истинную картину событія. Но утромъ 24 или 25 сентября подробности злодѣянія могли быть лишь тайной. При такихъ условіяхъ происходитъ встрѣча Василия съ патріархомъ. Могъ-ли Фотій, или кто-либо иной въ его положеніи, назвать императора разбойникомъ и убійцей, недостойнымъ св. Таинъ? Не могъ ни Фотій и никто другой ²⁾. Отъ показанія Продолжателя Георгія въ его буквальномъ смыслѣ приходится отказаться. Но это вовсе не значитъ, что самый фактъ столкновенія является сплошнымъ вымы-сломъ. Не имѣя основаній обличать Василия въ непосред-ственномъ убійствѣ, патріархъ могъ сказать ему, что лица, виновныя въ царубійствѣ, должны понести достойное нака-заніе ³⁾. Укоризна лично Василия не касалась; ему предоста-влялся даже поводъ, исполнивъ предложеніе патріарха, за-явить себя предъ лицомъ всего общества невиннымъ въ пролитіи крови. Но поступить такъ, т. е. наказать своихъ сотрудниковъ, кровавое дѣло которыхъ доставило ему тронъ, Василій, конечно, не былъ въ состояніи. Поставленный въ крайне непріятное положеніе, императоръ не могъ не быть

¹⁾ Эта версія проникла и на западъ и отразилась въ биографіи Адріана II; авторъ которой сомнѣвается, что Михаилъ убитъ по волѣ Василия (*Mansi* XV, 810 C).

²⁾ Требовать, чтобы патріархъ произвелъ собственное разслѣдованіе дѣла, конечно, невысказано.—Интересно отмѣтить, что патріархи иногда вынуждались принимать правительственное объясненіе, покрывавшее за-вѣдомое злодѣяніе. Такъ въ X в. патріархъ Поліевктъ (956—970), послѣ убійства императора Фоки Іоанномъ Цимисхіемъ, долженъ былъ повѣрить, что въ убійствѣ Цимискій личнаго участія не принималъ.

³⁾ *Θ. Кургановъ*, отвергая показаніе Продолжателя Георгія, считаетъ допу-стимымъ предположеніе, что Фотій частнымъ образомъ высказался о Васи-лѣе неодобрительно, чѣмъ и вызвалъ его неудовольствіе (цит. соч. 208). Показаніе Продолжателя Георгія уполномочиваетъ предполагать большее, чѣмъ заочное неодобреніе.

внутренне раздраженъ; чувство могло открыто и не проявиться, но участь патріарха, который и вообще не казался надежнымъ сторонникомъ Македонянина, была рѣшена: Василій выдвигаетъ идею умиротворенія церковной смуты и въ дальнѣйшемъ клонитъ дѣло къ удаленію Фотія и возвращенію Игнатія. Что касается хрониста ¹⁾, то, осмысливая заднимъ числомъ событія, онъ могъ нарисовать сцену столкновенія въ произвольныхъ чертахъ, невѣроятныхъ по обстановкѣ, но близкихъ къ правдѣ по смыслу ²⁾.

¹⁾ Зависитъ-ли хронистъ отъ какого-нибудь устнаго слуха, пущеннаго кѣмъ-нибудь изъ друзей Фотія, какъ догадывается Гергенрётёръ (II, 15), остается неяснымъ. По Г-ру, такой слухъ, выставляя народу наложеніе Фотія незаконномѣрнымъ и аналогичнымъ низложенію Игнатія, былъ-бы полезенъ Фотію при его возстановленіи. Но вѣдь возстановленіе патріарха зависѣло не отъ народныхъ массъ, а прежде всего отъ правительства. Распуская ложный слухъ, друзья Фотія оказывали-бы ему не услугу, а причиняли вредъ: слухъ оскорблялъ императора и могъ только ухудшить его отношеніе къ низверженному патріарху. Хронистъ могъ самъ придумать детали событія.

²⁾ Въ пользу Продолжателя Георгія ссылались на письмо Фотія къ монаху отшельнику Θεодосію, писанное изъ заточенія (*Βαλέττα ἐπ.* 161; *Migne*, слѣдую Монтакунію, раздѣляя письмо на два—*Lib.* II, ep. 83 и 84). Письмо содержитъ очень суровую характеристику к-польскаго собора 869 г., рисуеътъ противниковъ Фотія какъ жестокихъ и несправедливыхъ гонителей, а его сторонниковъ какъ невинно страждущихъ. Между прочимъ о послѣднихъ сказано, что державный гнѣвъ обрушился на нихъ за то, что они сохранили и языкъ свой и мысли чистыми отъ крови—*ὅτι τῆς κρατοῦσης κατὰ τῶν πιστῶν ὀργῆς, ἀνθ' ὧν αἰμάτων καθαρὰς καὶ γλώσσας καὶ γνώμας ἐρύλασαν* и. т. л. Это мѣсто хотѣли понимать (*Hankii* § CVIII; *Τόμος χαρᾶς κή;* *Βαλέττα* σελ. 499 σημ. 4) какъ намекъ на причину гоненій—обличеніе въ убійствѣ Михаила. Для насъ такое толкованіе не нужно; но можно отстаивать, что намекъ въ словахъ все-же заключается, но только не на обличеніе въ убійствѣ, а на требованіе наказать виновныхъ. Совершенно иное значеніе пытаются дать этому мѣсту Неандеръ (*Allgem. Gesch. d. christl. Religion* 1856. II, 313) и за нимъ Гергенрётёръ (II, 15). По нимъ, здѣсь имѣется въ виду отношеніе друзей и сторонниковъ Фотія къ своему вождю: т. е. „вѣрные“ преслѣдуются за то, что они не возстали на своего вождя, не измѣнили ему, но, выражаясь образно, сохранили себя чистыми отъ крови. Однако, толкованіе Неандера возможно лишь при предположеніи, что *πιστοί* противопоставляются самому Фотію, т. е. что подъ *πιστοί* Фотій разумѣетъ только своихъ друзей, исключая самого себя. Между тѣмъ, по смыслу всего періода, началомъ котораго служатъ спорныя слова, подъ *πιστοί* разумѣется вся партія Фотія съ своимъ вождемъ во главѣ.

Показаніе Продолжателя Георгія пытались въ корнѣ подорвать ссыл-

Какъ-бы то ни было, Фотій долженъ былъ оставить каеедру и уступить власть враждебной партіи. Объединившіеся противъ него союзники, игнатіане и Римъ, могли торжествовать неожиданную побѣду. Впрочемъ, подлинное торжество выпадало лишь на долю Рима. Игнатіане одерживали успѣхъ, какъ партія; но, насколько они были членами греческой

кой на письма Фотія къ Василию изъ заточенія (*Basileta* *ép.* 218, 219; P. G. СП, Lib. I, *ep.* 16, 17), содержаніе и тонъ которыхъ будто-бы не мирится съ Продолжателемъ. Дѣйствительно, въ этихъ письмахъ, жадуясь на притѣсненія, Фотій всюду ставитъ на видъ, что онъ страдаетъ невинно, и что Василій не имѣетъ личныхъ основаній относиться къ нему враждебно (*cf.* *Hirsch*, 68). Фотій напоминаетъ императору ихъ прежнюю дружбу, соединявшій ихъ союзъ и клятвы, помазаніе на царство и коронованіе вмѣстѣ съ императрицей, приобщеніе св. Таинъ изъ его рукъ, воспріемничество царскаго сына Льва (*ép.* 218; *ep.* 16); свидѣтельствуемъ о своемъ искреннемъ расположеніи къ императору и напоминаетъ объ обѣщаніяхъ и клятвахъ, какія тотъ давалъ ему помимо даже его желанія (*ép.* 219; *ep.* 17). Неандеръ и за нимъ Гергенрёттеръ полагаютъ, что Фотій едва-ли могъ писать такъ, если-бы рассказъ Продолжателя былъ вѣренъ, и во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ объяснить, что къ выступленію противъ императора его обязывала его папская совѣсть. На это можно было-бы возразить, что во 1-хъ, едва-ли переписка съ Василиемъ ограничивалась двумя сохранившимися письмами, и трудно утверждать, чтобы такого извиняющаго объясненія Фотій вообще не высказывалъ; во 2-хъ, Фотій могъ обходить молчаніемъ свое столкновеніе просто потому, что не хотѣлъ тревожить уколотаго самолюбія императора напрасными воспоминаніями о перенесенной обидѣ, что всего мѣнѣе было удобно въ письмѣ, содержащемъ просьбу о смягченіи преслѣдованій; въ 3-хъ, самый характеръ преслѣдованій, суровыхъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ изысканно жестокихъ (у Фотія отняли его книги), можетъ говорить за то, что императоромъ руководило, помимо правительственныхъ соображеній, и чувство личнаго раздраженія (самъ Неандеръ замѣчалъ наличность раздраженія—II, 312 *Anm.* 6). Вообще, безспорныхъ доказательствъ противъ Продолжателя Георгія изъ переписки съ Василиемъ извлечь нельзя. Что было-бы невѣроятнаго въ томъ, что Фотій, послѣ разрыва, описаннаго у Продолжателя, находясь въ ссылкѣ, употреблялъ усилія улучшить положеніе свое и своихъ многочисленныхъ сторонниковъ и въ письмахъ напоминалъ Василию о прежнихъ дружественныхъ, точнѣе, корректныхъ отношеніяхъ, минуя непріятный Василию фактъ?— Но такъ какъ мы не поддерживаемъ буквальный смыслъ Продолжателя, то намъ нѣтъ нужды настаивать на возраженіяхъ Неандеру и Г-ру. Достаточно указать, что принимаемый нами характеръ столкновенія вполне мирится съ тономъ и содержаніемъ писемъ: вмѣ объясняется какъ чувство раздраженія Василия къ патриарху, такъ и то обстоятельство, что Фотій могъ напоминать о прежнихъ дружественныхъ отношеніяхъ, ничего не говоря объ обличеніи въ убійствѣ.

націи и восточной церкви, они, вмѣстѣ съ націей и церковью, съ перемѣной церковной политики несли только ущербъ. Нація теряла дѣятеля, равнаго которому не имѣла; церкви угрожало униженіе ея достоинства, даже потеря независимости. Партийный успѣхъ игнатіанъ не стоилъ своей цѣны. Иное дѣло—Римъ. Мечта Николая видѣть греческій Востокъ у подножія каедры Петра приближалось къ осуществленію. Соперникъ, своимъ мощнымъ вліяніемъ и неисощимой энергіей противоборствовавшій притязаніямъ папства, сокрушенъ; авторитетъ преемниковъ Петровыхъ готовъ распространиться не только надъ Западомъ, но и Востокомъ. Велика была-бы радость папы Николая, если-бы онъ дожилъ до извѣстій о к-польскомъ переворотѣ и торжествѣ своей политики; но онъ умеръ, 13 ноября 867 г., среди заботъ и тревогъ, вызванныхъ дошедшими до него извѣстіями о полемическихъ выступленіяхъ грековъ противъ западной обрядности¹⁾. Его преемникамъ предоставлялось продолжить его дѣло и использовать выпавшій на долю папства успѣхъ.

Къ сожалѣнію для Рима, его побѣда была только временной.

Θ. Россейкинъ.

¹⁾ *Hincmar*, *Annales*, an. 867 (*Pertz*, *Monum. Germaniae historica*, t. I p. 475. *Vita Nicolai*, *Mansi* XV, 159).